
ПОЭЗИЯ

Олег Бородач
(г. Минск, Белоруссия)

Бородач Олег Николаевич, родился в 1966 году в Минске. Окончил автомеханический техникум, факультет журналистики Белгосуниверситета, Академию управления при Президенте РБ. Автор книг стихов «Прежде ненависти» (1995) и «Горше опыта» (1998). Участник нескольких коллективных сборников и литературных антологий. В настоящее время работает заместителем главного редактора еженедельника «Медицинский вестник», где ведет литературную страничку «Ларец от Авиценны».

* * *

Я сократил разрыв
между собой и прошлым.
старые письма вскрыв —
выдав грехи святошам.

Словно на камнепад
гнев отвечает эхом.
Скрежет о грунт лопат...
Память пустым орехам.

Как же люблю копать
сны, что давно замерзли!
Ветер не треплет прядь.
Блядь не ложится возле.

Крохотных книг желтки
спрячу в шкафу дубовом.
Письма опять легки —
не на помине. Словом.

* * *

Я бил ее латынью
по узеньким плечам.
Я был ее ладонью,
когда свой гнев смягчал.

Положены — на милость
мелодии — слова.
Мне многое простилось,
в чем древность не права.

А сколько тонких весел
разбиты в щепки о
волну, куда я бросил
княжну не из кино!

Я бил ее латынью,
безжалостно брюзжа,
ладони стенкой тыльной
как тупостью ножа.

Кириллица отпала,
но, достигая дна,
не рыжего металла
мелодия видна.

* * *

И стихов почти не пишу.
и в поэму не составляю.
То и снится карандашу,
что он водит собой по краю.

Сам не вижу черты полей
и перу не кажу наклона.
Пусть останется лист белей —
разлинованным вдоль условно.

Может, он пригодится впредь —
как напутствие горизонту,
не отлитое глоткой в медь,
быть смелей и кровавей фронта.

И за линией всех атак
отряхнутся тылы, обозы...
Упаси меня, мой ты враг —
мой язык, от наряда прозы!

* * *

Самый младший из — нескольких сразу — племен
новым миром в обилии лиц изумлен.
Тот, кому предстоит здесь впервые, — мой сын.
Как дитя нашей нежности, он Валентин.

У меня каждый день перед Богом зачет,
их осталось, боюсь, уже наперечет.
Надо мной купола, предо мною — купель,
между нами — пустая беспечность недель.

Мы пришли сюда оба на постные дни —
по велению сердец? По потугам родни?
По сомнениям меряют нашу вину.
Я тебя не оставлю в осеннем плену.

Сорок раз, обернувшись на собственный след,
убеждался, что следа — о Господи! — нет,
кроме нескольких зим, не оставивших льдов.
Мой сыночек, на памяти столько следов...

* * *

Путешествия тем хороши, что меняемся мы
вместе с ветром пространства, скругленного весельным
взмахом.
Поучительней смеха гудят здесь зарок от сумы
да учебная плаха.

Путешествия тем тяжелы, что вращают и нас,
а не только седой, в женихах засидевшийся полнос.
Подсадные гогочут в партере, шутейно борясь
да случайно знакомясь.

Путешествия тем и нужны, кто не ищет невзгод,
а сбегает от них, не надеясь на нервов запасы.
В белом зале застыл на лету наступающий год
да настыли матрасы.

* * *

Мне нравится ход его мысли —
след в след по моим же шагам.
Я сам бы охотно причислил
себя к его светлым богам.

Но он впереди на три срока —
на три зодиачных витка.
И мне надо слишком глубоко
пыхтеть, да кишка коротка.

Угнаться бы — только б подольше
быть рядом на диком бегу.
Я мыслей прекрасные дрожи
в слова передернуть могу.

Скажу, как надорваны думы
в душе не настроенных жил,
и что в передернутость суммы
я многие смыслы вложил.

До нескольких тысяч на книжке —
от нескольких тысяч стишат.
Живем от отрывки до вышки,
и нами же строки грешат.

Не мы на бегу сочиняем
себе суесловный маршрут.
Лишь мысли, задетые краем,
дыханье богов берегут.

Михаил Ворожцов
(г. Могилев, Белоруссия)

Михаил Владимирович Ворожцов родился 17 июля 1978 года в г. Почеп Брянской области. Окончил Белорусский университет культуры. В 2005 году после победы в III Межрегиональном конкурсе «Поэт-артист», вступил в Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». Автор сборника поэзии «Ласточкино сердце». В 2012 году поэта приняли в Российский союз профессиональных литераторов. Публиковался в коллективных сборниках, альманахах, антологиях, журналах «Западная Двина», «Перицацвет». С 2008 года живет в Могилеве, работает режиссером Дворца культуры области.

ОПОЛЗНЕМ. ВДРЕБЕЗГИ. ПАДАЮ

(из цикла)

Вдребезги! —
как
на счастье.
Завяжи узелок на память...
В нашей с тобой ли власти
будущее исправить?
Будущему —
исправно
лжет своенравно явь.
В будущем
у заглавия
имени нет —
оставь
имя
для тех вселенных
будущего,
каким
будут любить мгновенно
и —
навсегда:
святым
именем
будет небо
озарено —
потом.
Будущему — были б стебель,
небо с дождем и дом...
(Невыносимы будни!)

Боже мой, унеси
в страны,
где нет посуды,
коей мне нет мыть сил!)
Выжимка сновидений:
будущего заря
вдребезги новоденья,
дребезги ноября.

* * *

Зима решила: в моде — серый,
Снега запрятала в комод.
Недоцелованная стерва,
Решилась снова на аборт.
Баррикодируя и сердце,
И бронхиальность декабря,
И предрождественское детство,
И циферблат календаря,
Ушла

в подвалы ностальгии
К своим забытым сундукам,
Картинкам липким содомии,
Закованным в грехи богам,
И — дура — мучается жизнью,
И соболиный мех грызет.
А мех — как снег на зимней тризне:
Укутает, укроет — не спасет.

* * *

Друг мой сердечный!
Вот: я приехал.
Но нашей встречи
Сердце — в прорехах.

Эхом зеркальным
«Здравствуй» растает.
Київ венчальный,
Я — уезжаю.

Час — не годится
Налюбоваться.
Будешь мне сниться,
Чтоб — не расстаться?

МОНСТР И РЕБЕНОК

Я ужасно быстро старею.
Монстр
обидел ребенка.
Забываю молчать.
Немею,

когда поздно
и очень
тонко.
Дайте вытянуться в постели
утром
в нежности колыбельной,
чем-то теле.
Во сне
в качелях
монстр
раскачивает ребенка.
Дайте сну тому
длиться жизнью.
Летаргия
боится тризы.
Ностальгия
боится яви.
Дай притронуться
к сердца лаве.
Как в груди моей дышит сердце!
Как мне душу сжимает скерцо
незатронутых инструментов,
ожидających
аплодисментов!
А мелодии — нет...
Погасите свет!
Может быть, у луны прольется
то, что чем-нибудь назовется.

Полнолуние. Монстр охотится.
Но охота уже не в радость.
И чудовищное одиночество,
и чудовищная усталость
душат глотку и душу тонкую
ручкой маленького ребенка.

Если жизнь моя — только сон,
дай мне, Господи, пробудиться.
Если в яви попал полон,
дай мне, Боже, развоплотиться!

* * *

На прощанье дала мне руку.
Как простить тебя за разлуку
В этот тихий туманный вечер?
Как молить мне теперь о встрече,
Если только рукопожатье
Будет будущего проклятьем?..
В небесах
и морях,
и на суше
Обнимаются наши души.

Екатерина Дабкене
(г. Гродно, Белоруссия)

Дабкене Екатерина Александровна родилась в г. Гродно 4 марта 1988 года. Окончила Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, специальность «Современные иностранные языки». Работает переводчиком. Печаталась в газете «Эскулап», коллективном сборнике «Вечер пятницы», альманахе «Полоцкая ветвь-2014». В Белорусском литературном союзе «Полоцкая ветвь» — с 2014 года.

ТАНЬКЕ

За тысячу километров (и это не фигурально)
нюхаешь Пражский воздух,
сдуваешь густую пену,
в Чешских спряжениях по колено
тонешь...

Стонешь...

Встаешь...

Мелешь в порошок каждый прожитый день,
а потом варишь кофе,
хоть и не любишь...
Веришь с опаской: «А вдруг, завтра лучше?»

Родная... Где же та Родина,
чтобы тебе — Родителем, невыводимой родинкой
в сердце, в судьбе, в голове и в кармане?
Где тебя голос ее застанет?

Рано... Рассвет убегает от океана.
Инди по проводкам, а потом через уши —
прямым маршрутом в самую душу.
На суше нас трое:
ты, я и завтра, которое лучше.

* * *

Засыпается...
Веки под тяжестью дня непослушны,
Да и глаз подустал созерцать пошлость розовых стен.
Можно фокус сменить. Все равно, букворябью замучен,
Он едва распознает твою мимолетную тень.
Так не проще ль закрыть. И уплыть. И представить.

Разноцветие мира, разукрашенность снов.
Несмотря на неубранность ветхой бесцветной квартиры.
Несмотря на угрюмость промозглых февральских дворов.

ДОЖДЬ

У дождя нет различий,
богатый ты, или нищий,
одинокий или, все-таки, с кем-то,
не умеешь вообще, или только на флейте.

У дождя нет различий.
И пусть даже ты вовсе лысый,
(так даже лучше, ведь фен не нужен).
И пусть даже нервный циник,
жено-, муже-, гее- ненавистник,
горбатый урод или с застрахованным задом...

Ему доказывать ничего не надо,
он просто льет, без перебора, яростно и навзрыд,
без выгоды, без зависти, без жалости и обид.
Не обещая ничего и ничего не говоря.
Всего себя даря-раздаривая и растрчивая.

А ты, неблагодарная, к арке сворачиваешь,
расчехляешь зонт, волосы прячешь,
о ресницах хлопчешь, сетуешь, кудахчешь...

Дождь, не обижайся, они не нарочно!
Во всем виноват этот круг порочный
Быта, цифр, забот и зарплат...
Бедный народ.
Это все вздор.
Ты знаешь, я знаю, а остальные не в счет.

* * *

Я хочу от тебя — слово.
Чтобы в цель. Чтобы в память и в сердце,
Чтобы в мягких струящихся звуках,
Как в мехах, можно было согреться.

Я хочу от тебя — время.
Тонкой стружкой песка, мимо стрелок.
Чтобы сыпавшись прямо в ладони,
По минутам оно разгорелось.

Я хочу от тебя — радость.
Чтоб за солнцем закатным вдогонку...
Но уж если совсем откровенно,
Я хочу от тебя ребенка.

* * *

Мое счастье — большое, лохматое.
Твое — хрупкое, нежное.
И как так случилось, что их сосватали,
Обручили кольцом неизбежности?
Мое, буйное, мечется, шутит безжалостно,
Твое, хоть и вредное, льнет котенком,
Жонглирует чувствами, не зная усталости,
Сбивая мое счастье с толку.
Оно же, отважное, мудрое,
Хочет поймать чертовку,
А ей хоть бы что,
Тряхнет только кудрями,
мол, «как провела тебя ловко»!

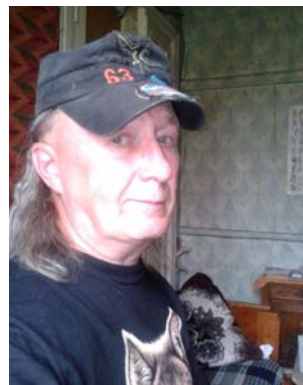
А вечером, устав от борьбы, от колкостей,
Свернутся клубочком вдвоем на коврике,
Им наплевать на прогноз и на новости,
На девальвацию, на то, что все дорого...
Два счастья сопят, уставшие за день,
За жизнь, проведенную друг без друга.
Пускай отдохнут, завтра снова сражаться
За место на коврике. Завтра снова по кругу.

* * *

Задребезжали стекла глаз,
Мимо — машины с бульдожьими мордами.
А ты все говоришь и фраз
Пепел сдуваешь на плечи городу.
Буду молчать. Терebить замок,
Что на меня едва ли похоже.
Мысль наготове сверлит висок,
Я укрошу ее. Позже
Будут объятия, слезы, слова,
Чай до полуночи, вести недели.
Снова признаюсь, была неправа,
Пепел сдувая с белой постели.

Владимир Демидов
(г. Борисов, Белоруссия)

Владимир Демидов родился в городе Борисове 20 декабря 1956 г. в семье военного инженера, учился в Республиканской школе-интернате по музыке и изобразительному искусству, в Белорусском театральном-художественном институте. Стихи опубликованы в журнале «Западная Двина», в газетах «Вестник культуры», «Литературная газета», «Літаратура і мастацтва» и др., в коллективных поэтических сборниках. Является членом Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» с 2004 г. Живет в городе Борисове.

САГА

Саше Стаину

Вот висит португеза на белой стене.
Командорская пряжа.
Мы на цыпочках ходим под нею и вне
С братаном моим — Сахой.
Мы живем на большом, как звезда, корабле
И летим к Волопасу,
Иногда поедая тайком крем-брюле
Из всемирных запасов.
Мы, бесспорно, летим к Волопасу, друзья,
А затем — к Водолею...
При девчонках друг дружку на пляже тузя,
Типа — Кассиус Клея...
Пусть повыщвели треники в бурных волнах
И парах Рубикона,
Но асфальтные наши признания — ах! —
Еще помнят Матрены!
Полагаюсь во всем на губную гармонию —
Даже есть неохота,
Ощущаю ладонью иную ладонь,
Как вселенскую коду.
Раскрываю альбом закладною тесьмой —
Фотографии Сашки —
Выпадает из рук, рассыпаясь, письмо
Лепестками ромашки...
Сколько синей воды, если знать хочешь ты,

Протекло... Неизвестно...
Сероглаз, среднерус, без усов-бороды,
Без судьбы... Так не честно!
Нам бы с красной строки, с той же связкой ключей —
Лебеда да сирена!
Снова рву рычаги, жгу коробки свечей,
А исчезну — мгновенно...
На стене — портупья с латунной звездой.
Командорская пряжа.
Мы когда-то ходили под нею с тобой,
Как воробышки, Саха.
И кружить приходилось порой, и юлить,
Да назвать свое имя...
Будто вымерли все или вышли курить,
А вернулись — другими...
Вот и клинопись сердца, что жило, любя,
Сагу, если хотите,
Посвящаю тебе... Обнимаю тебя
У порога Открытий.

СУМЕРКИ

С затаенною тревогой
Я читаю по глазам:
Разрушается с порога
Белый яблоневый храм.
Обниму тебя за плечи:
Воздух к вечеру темней —
Тем таинственнее речи
Полусонных голубей.
Месяц изморозью тонкой
Расписал свое жильё.
Ты испуганным ребенком
Сердце слушаешь мое.
Посидим еще немного,
Как на краюшке Земли.
Разрушается с порога
То, что мы не сберегли,
Что давалось без усилий,
Просто падало к ногам...
Неужели мы учили
Душу мира — по слогам?

РЕКВИЕМ

Родина, где же ты, Родина?
Нищая веткой смородинной
В грудь упирается мне...
Там она спит, недоумочек, —
В дальней палате у тумбочек,

По нежилой стороне.
Руки бинтами уложены,
Срезаны волосы — сожжены:
Рвать их горазда была!
Спит ваша бедная матушка —
Ласточка, лапушка, Ладушка...
Давече Вовку звала...
Были б мы неслухи, Родина,
Так ведь в заботах-то дотемна,
Дочерна, допьяна и...
Вслед, как закрылись твои глаза,
Тенью, без срока и адреса
Бродим мы — дети твои.
Сложены руки, как тросточки,
Пересчитать можно косточки...
Пусть я вам буду смешон!
Софьюшка, Дарьюшка, Олюшка —
Синее небо да полюшко —
Вот имена наших жен.
Сядемте, гордая нищя!
Все пробывается пищею,
Да не убудет — постой!
Люди и прочие жители,
Женщины в черном не видели?
Женщины, в черном, босой....
Значит, и свиделись, Родина,
А на душе — непогодина,
А под подошвами — наст.
Так отхлебнул, братцы, горя я,
Что прерываю историю...
Свидимся, может — Бог даст.

ПОСЛЕВКУСИЕ

Васильки... иван-чай... бересклет...
Нет да нет, да нахлынет тревога:
В синем воздухе вспыхнет дорога
Интернатовских сказочных лет.
Возойди — это твой крутогор —
Горизонт превращается в иней...
Уходя на попутной машине,
Машет шляпой отец до сих пор.
За калманием этим следишь
Ты большими глазами от горя:
В расстоянии ль дело, малыш ?
В расставании... Кто бы поспорил.
Чужедальные страны и льды,
В чемодан уместилась эпоха.
Вот и в воздухе синем дорога —
Со Вселенною... стали на «ты».

Далеки... Ох, как мы далеки,
Мальчик в парусом вставшей сорочке!
Все взирающий из-под руки,
Как проставлены временем точки.
Чисел нет, выбыл весь адресат,
Первоцвет чередуешь кипреем...
Знаешь, папа, мы больше не смеем
Так, как вы... оглянуться назад.

Дарья Дорошко
(г. Гомель, Белоруссия)

Дарья Дорошко (Татьяна Леонидовна Черехухина), родилась в Гомеле в 1977 году. В 1996 году окончила Гомельское медицинское училище. Работала медсестрой в детской областной больнице, актрисой в театре кукол. В 2004 году окончила Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины. С 2001 года — член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Дипломант в номинации «Поэт» международного фестиваля АРТ-сессия (Гомель, 2000), финалист турнира поэтов «Пушкин в Британии» (Лондон, 2009). Победитель в номинации «Поэзия» Республиканского творческого конкурса «Литературная корона-2012». Публиковалась в журналах «Малодосць», «Польмя», «Неман», «Метаморфозы», «ЛитОгранка», «Западная Двина» и др. В 2010 г. в соавторстве с гомельским поэтом Владимиром Черехухиным в серии «Аз» вышел сборник поэзии «Не наступайте птице на крыло». Автор книги лирики «В Начале».

В НАЧАЛЕ

Купаясь в свете звезд,
В обрывочных мечтах,
Я не искала Путь —
Он стлался пред очами.
Звенел цепями мост,
Качаясь на ветрах,
И не было ничуть
Не страшно жить в Начале.

Вначале был лишь Бог
И радуга цвела.
И каждым лепестком,
Как зонтиком японца,
Любой укрыться мог.
И я тогда жила,
И каждым волоском
Переплеталась с Солнцем.

* * *

Непогрешимость истины случайна:
Декабрьской ночи призрачная тайна —
Художества мороза на окне...
Изящных линий кружево извивов

И повторенье радужных мотивов.
Иллюзии, берущие во сне
Свое начало... Ночью Сновиденья
Рисуют на стекле мечты-творенья.
Но всходит солнце в розовом огне —
И ограняет папоротник светом,
И кружится декабрьская планета,
И — расцветают тени на стене.
И розы превращаются в созвездья.
Резвится солнце, не боясь возмездья
Ни ночи, ни мороза в тишине.
Оно играет радугою света
И расплавляет магией рассвета
Иллюзию сверкающих камней.
Но ночь придет — и, сладко извиваясь
В экстазе чувств, забвение ваяет
Мороз на отвоеванном окне.
И правда солнца терпит поражение:
Мороз подправит радуги-творенья,
Вспоминаньем о минувшем дне.

* * *

Каскадом систем, не подверженных тлению,
Рисует нам жизнь одиночества профили.
Из множества тысяч придуманных веяний
Мы выберем те, что не очень-то поняли.

Разрозненный томик обрывочных сведений.
На каждой странице — печать одиночества.
Пронзительно-чистая радость всеведенья
Рождается с нами, как небо и отчество.

* * *

Под куполом своих угодий,
В оазисе своей мечты
Живем и солнца не находим
В плену вселенской пустоты.
В созвездии горящих замков,
Что ветер строит на песке,
Мы приучаемся к порядку —
Седую прядью на виске —
В прическе, сотворенной в танце
На вечеринке у Судьбы...
Мы — философии паяцы,
Мы — лицемерия рабы...

* * *

Ритуальность смысла умерщвления плоти
Солнечному сердцу не дано понять.
Одиноким воин на дрянной работе
Вспоминает небо и родную мать.

Вспоминает звезды, что лучились ночью
Над его постелью, в лиловой мгле.
И приходит детство — радостным звоночком.
Розовеет утро на степной земле.

Воин умирает. Запоздалый путник,
Поравнявшись с телом, отведет глаза.
И проходят годы, и проходят сутки.
И ревет над миром вечная гроза.

* * *

Я не знала еще даже вкуса росы,
Я ответов на сотню вопросов не знала,
Но как счастливы были в покое весы,
И как отблесков было от пламени мало!

Я и нынче не знаю ни вкуса росы,
Ни ответов на сотню безликих вопросов,
Но в руках Немезиды танцуют весы,
Чтоб никто не заметил судьбы перекосов.

Как торговка на рынке лукавит судьба
И пугает богиней, слепой и жестокой.
И, как прежде, пылает костер у столба,
И, как прежде, разносится «Око за око!».

И, как прежде, в пустыне росы не испить,
И, как прежде, из слов не сплести мне ответы.
Но из рук у меня в небо тянется нить,
А на ней — словно шарик воздушный — планета.

* * *

Совесь молочного цвета —
Светлая совесть воды.
Тает забытая Лета,
И зацветают сады.

Совесь кисельного цвета —
Тайная совесть песка.
С нами прощается лето —
В сказку тропинка узка.

Совесь прозрачного цвета —
Вечная совесть ветров.
Эхо разносится где-то
Мною записанных слов.

Совесь багряного цвета —
Крови, любви и огня.
Горькая совесть поэта...
Сладкая совесть поэта!
Пусть не оставит меня.

Олег Зайцев
(г. Минск, Белоруссия)

Зайцев Олег Николаевич. Родился в 1968 году в гор. Новополоцке Витебской области, белорус. Закончил факультет журналистики Белгосуниверситета и полугодовые Литературные курсы. Председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Председатель Ревизионной комиссии Международного сообщества писательских союзов (бывший СП СССР), член Международной федерации русскоязычных писателей, Российского союза профессиональных литераторов. Является действительным членом (академиком) Крымской литературной академии. Автор книг поэзии «Рифмованные девиации», «Наитие», «Координаты смысла», «Завязь Вселенной», книги литературной критики и литературоведения «Авторский знак». Участник около тридцати коллективных сборников поэзии, прозы, критики и литературоведения, альманахов и переводов, антологий в России, Беларуси, Украины, Казахстана, Австралии. Публиковался со стихами и прозой, литературной критикой и литературоведческими статьями в ряде литературных журналов и ряде альманахов. Стихи автора переводились на английский, итальянский, украинский, белорусский, казахский языки. Один из теоретиков и сторонник литературного направления «катарсизм».

Награжден Международными литературными премиями имени Молодой Гвардии, Симеона Полоцкого, Леонида Матусовского, фестиваля «Славянские традиции», почетными грамотами российских и украинских писательских союзов, Международного сообщества писательских союзов, Российско-итальянской Академии Феррони.

* * *

Как белка, набираю оборот
И мчусь вперед, шалея, что есть мочи,
Порою даже оторопь берет:
А вдруг меня Всевышний «обессточит».

Но, преодолевая виражи,
Все ямы и ухабы приключений,
Себе твержу одно я: «Масть держи.
Пусть ты поэт всего лишь, а не гений».

Ударит лихолетье колесом,
И спицами в глаза вонзятся слухи,
Себе вдруг покажусь я невесом,
А все поступки — протокольно сухи.

Под записью отъявленных чернил,
Под тяжестью больших и малых сплетен,
В одном уверюсь точно: не чернил,
Иных не продавал, засим и беден.

Вгрызаясь в скорлупу вчерашних дел,
Цепляясь за кору людского быта,
От этой спешки явно обалдел
И рад, что колесо мое разбито.

Даль бесконечна, я упасть готов,
Порвав свой бег на лоскуты, на точки,
Чтоб стать однажды, с высоты годов,
Отцом одной, но гениальной строчки.

* * *

Маме

Кто больше любит братьев, кто сестер,
Кто в бабушках души своей не чаёт,
А я сквозь время память распростёр,
Где мамы длань макушку мне венчает.

В ней пальцы материнские до сих
По волосам скользят, в них копошатся...
Теперь, когда я зрелости достиг,
Быть не боюсь похожим на паяца,

Признаюсь, этот сладкий ритуал,
Клонил меня ко сну, и мама знала.
Ты та, кому я тайны доверял,
И та, чьей ласки мне всегда хватало.

Могла прикрикнуть, выпучить глаза
И шлепнуть раз иной в сердцах, бывало,
Но без тебя, любимой, мне нельзя,
Ведь стала б пресной жизнь моя, завяла...

Уже, заметно, поступь нелегка:
Пережила инфаркты, дисков грыжу,
Седеешь, но тобой держусь пока
Тебя я слышу, ощущаю, вижу...

Жури меня, пили и поучай,
Я все приму, как должно принять сыну,
А будет лик сиять твой, как свеча,
На жизненном пути и я не сгину.

* * *

Не шуми ты, сад широкий,
Веткой влажной не хрусти.
Я судьбы постиг уроки:
Мне расти еще, расти...

Изучать премудрость жизни,
В слово ближнего вникать.
Ветка яблони, не висни
Прямо надо мной опять.

Я сумею разобраться
И понять, в чем суть и соль;
Нет способней новобранца,
Истину открыть изволь.

Терпкость яблочного сока
И кислинка на губах
Открывают мне до срока,
В чем сильны и Босх и Бах.

В чем вообще силен творящий,
От искусства человек...
Сад шумит, он — настоящий,
Смотрит, будто из-под век.

Что ж, посмотрим друг на друга
И о главном промолчим;
Хлещет бытие упруго:
Ты учи меня, учи.

* * *

Каштаны усыпают землю —
Коричневает изумруд.
А я коричневому внемлю,
И о природе мысли прут.

Пылают лиственным пожаром
Деревьев стройные ряды.
А солнце свет струит свой даром,
И тучных туч тесней гряды.

Но обезумевшим осколком
Вонзается осенний лист.
И бродит осень тощим волком,
Вдруг поднимая дикий свист.

И, словно пленкою, туманы
Опутывают все вокруг.

Дырявых паутин карманы
Топорчатся под ветром вдруг.

Озер бездонных стынут блюдца,
Линяет травяной ковер.
И птицам хочется вернуться,
Но юга явственной фавор.

Уж зори холодны и рдяны,
В них неуютно соловью...
И снова падают каштаны,
Нам обнажая плоть свою.

* * *

Нас зима опять обманула:
Ни мороза нет, ни пурги,
И проходим вослед сутуло —
Тени, как по воде круги.

Ветер мечется, словно рыба,
Избегая тугих крючков,
Провоцируя мысли ибо
Человек по сути таков.

Разомлевшая грязь лоснится,
Словно лысина старика;
Месят жижу подошвы, лица
На процесс глядят свысока.

Заскучавшим по хлопьям снега,
Загрустившим по холодку,
Дарит слякоть зима-калека
И осенний лист на бегу.

Уплывают смурные тучи,
И луна окунулась в них.
В ожидании доли лучшей
Сам собою плетется стих.

* * *

Полна Беларусь красотой синеглазой,
Полна черноглазой, зеленой красой.
Я, как за магнитом, за чудом, заразой,
Плетусь за какой-нибудь русой косой.

Плетусь, ощущая вселенскую жажду,
Томительной плотью вовеки гоним.
И блеск твоих глаз обезумевших жажду,
И чаю припасть поцелуями к ним.

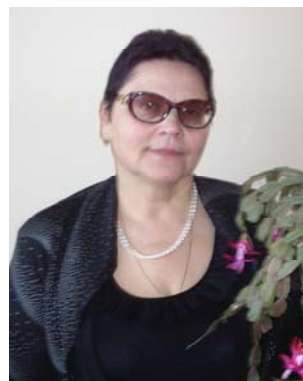
Блуждая глазами в заре ли, потемках,
Днем ясным, а может быть, лунною тьмой,
Себя ощущаю прибитым гвоздем, как
По шляпку, но шляпою дамской самой.

Ищу я в бездонных зрачках поднебесья,
И в омутах черных, зеленых ишу
Шаманство болот первозданных Полесья,
Чашоб ворожбу, где жилось кривичу.

В обилии глаз бы мне не заблудиться,
В созвездии взглядов бы вдруг не сгореть...
Я снова, как зоркая, хищная птица
Взлетаю и падаю в глаз круговерть.

Тамара Ковалева
(г. Новополоцк, Белоруссия)

Ковалева Тамара Ивановна родилась в г. Красногорске Псковской области, где окончила физико-математический факультет Псковского педагогического института. Переехав в Белоруссию, трудилась инженером-метрологом в ОАО «Нафтан» г. Новополоцка. Сейчас работает в Полоцком государственном университете. В 2013 году стала членом Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Печаталась в десяти коллективных сборниках и альманахах. Финалист Международного литературного форума «Славянская лира-2014».

РОДИНА

Стран красивых я знаю немало,
Видеть многие мне довелось,
Но чтоб сердце от них замирало,
Там почувствовать мне не пришлось...

Очень нежная, в красках неброских,
В моей Родине та красота,
Что сияет в серебряных росах.
Неподкупна ее простота!

Могут только в родной Беларуси
Облака так загадочно плыть,
Над рекой разноцветные бусы
В свете солнечном мне подарить.

Улыбаясь сквозь свет несказанный,
Там, в лесах, у Полесских болот,
Приглашает на ужин свой званый
Тихих сосен густой хоровод!

Краю милому я поклоняюсь.
Здесь мне рады всегда и поймут:
Где бы ни был — домой возвращаюсь,
Что бы ни было — здесь меня ждут!

БЕЛОРУССКОЕ ЛЕТО

В малиновом фартуке, желтой косынке,
В сережках из вишен (на каждой — росинки!)
Пришло белорусское щедрое лето,
Прошитое накрепко солнечным светом!

Черника тугая, одетая скромно,
Себя предлагает старательно-томно.
А выше немного, на светлом пригорке,
Брусника следит за соперницей зорко.

Сидит боровик под еловою лапкой,
Накрытый блестящей коричневой шляпкой.
И, следуя вновь многолетней привычке,
Семейкою дружной выходят лисички!

В полях васильки, незабудки, ромашки,
Букетом цветут незатейливым кашки,
Ручей пробегает, журчаньем манящий,
И дуб зеленеет, листвою шуршащий.

Не хочется с летом опять расставаться —
И лету хотелось бы тоже остаться.
Но есть у него помоложе сестренка —
С косой золотистою осень-девчонка.

СЛОВА

Под дымкой тумана вечерняя Волга,
А рядом — костер догорал;
На темных углях он мучительно долго,
С надеждой на жизнь, умирал...

От ветра, возникшего вдруг ниоткуда,
Он вновь, как пожар, запылал!
Утес над рекой, это видевший чудо,
Таких фейерверков не знал.

Резвился костер оживленный, сверкая
Танцующей змейкой огня;
Откуда в нем мощь появилась такая
На склоне ушедшего дня?

Вот так и слова, как костер, и от мысли
То слабо, то сильно горят —
О правде, о дружбе, о жизненном смысле,
О вечности мне говорят!

Рита Круглякова
(г. Мозырь, Белоруссия)

Круглякова (Казакова) Рита Алексеевна родилась в Мозыре Гомельской области. Окончила Мозырский педагогический университет (филологический факультет). Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» с 2010 года. Публиковалась в «Литературной газете», в антологии «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь»: 1994—2009 годы» и др.

ИЗ КОКОНА

От теорий ни капли проку нет,
Хоть без сна рефлексируй сутками...
Словно бабочка в душном коконе,
Сердце сковано предрассудками.

Слишком долго страдалось-плакалось —
Труден путь по дорогам выжженным.
Сердце съежилось, сердце спряталось,
Бьется тихо, чтоб не услышали.

Только к месту я не прикована,
Я ведь женщина, а не статуя!
Легкой бабочкою из кокона
Выйду-выпорхну, жизни радуясь.

ДОМИК В ДЕРЕВНЕ

Вот этот, вросший в землю, ветхий дом,
Где в окна смотрят ветви старой липы,
Что помнит шум дождя и ветра всхлипы,
Тот дом, где каждый угол мне знаком,

Где шум большого города далек,
Где грозы и ненастья непослушней,
Где в золотистом поле за конюшней
Я, спрятавшись во ржи, плела венки.

Прийти сюда и больно, и легко.
И я не знаю лучшего курорта —
Скрипят все так же синие ворота
И пахнет диким медом молоко...

ВЕЧЕР В ДЕРЕВНЕ

От дневных забот усталая,
За околицу пройдуся,
Пусть заря расцветит алая
Мне огнем закатным грусть...

Сумрак легкий опускается,
Закрывая небосвод,
Да вдали какой-то пьяница
Что-то грустное поет,

Блики дня, почти сгоревшего,
В длинных прячутся тенях,
Дремлет солнышко, присевшее
На прогнувшихся плетнях

И лучами негорячими
Нежно гладит щеку мне...
...Скоро лапами кошачьими
Ночь пройдетя по земле...

НИРВАНА

Как странно, что без крика и без стопа
Я это сделать все-таки смогла.
Один свидетель — пыльная икона
С немим укором смотрит из угла.

И будто над святым в прозрачном нимбе,
Сплелись, как пыль, ничтожные мирки,
И я сама с отметиной на сгибе
Почти бесплотной, худенькой руки.

Как трудно подниматься сонным векам...
Наверное, в покое — счастья суть.
Моя судьба оплачена по чекам,
И ладно. Не пора ли отдохнуть?

Спускаясь в долгожданную нирвану,
Что растворит усталость, боль и грусть,
Неправда, я опущенной не стану!
Я, чтобы вновь подняться, опущусь.

А утром, обреченная на муки,
Терзаясь ожиданьем новых снов,
Упрячу я исколотые руки
До ночи в мешковатость рукавов.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

В том парке петь бы гимны красоте...
С сентябрьских клумб подмигивали астры,
И статуи, белее алебастра,
Бесстыдно выделялись в темноте,

Здесь шепот, шорох, и опять — молчок...
Дрожали тени зыбко и пугливо...
Подросток-месяц шурился лениво,
Курил в осеннем небе косячок...

Пугала и манила эта высь
Меж облаками лунного кальяна,
А звезды, переругиваясь пьяно,
Срывались и стремительно неслись

Навстречу мне, чтоб о земную твердь
Хрустальными осколками разбиться,
Осесть пыльцою на моих ресницах
И встретить неминуемую смерть...

Слегка задумчив был мой визави,
А грусть его светла и неслучайна...
И в воздухе ночном витала тайна:
Предчувствие рождения любви...

В ОСЕННЕМ ПАРКЕ

Утомленная от тетрадок,
Убираю бумаги в стол...
Как от раннего листопада
Парк за окнами пуст и гол...

Но, как прежде, в аллее старой,
Шелестя золотым ковром,
Неизменно гуляет пара
Под зеленым большим зонтом.

Как же их не узнать? конечно!
Спать своих уложив внучат,
Он ей руку сжимает нежно,
Что-то на ухо все шепча...

Сто сединок в прическе гладкой,
Но мадам не считает лет!
Гладит мужу ладонь, украдкой
Улыбаясь ему в ответ...

Каждый день я гляжу на это —
В парке, спящем осенним сном,
Бесконечное бродит Лето
Под зеленым своим зонтом

Татьяна Мацевич
(г. Молодечно, Белоруссия)

Татьяна Анатольевна Мацевич родилась в 1970 году в городе Молодечно Минской области. Окончила Полоцкое педагогическое училище, затем Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка. Работает воспитателем в детском дошкольном учреждении, где также руководит театральным кружком «Живая сказка». Публиковалась в коллективных сборниках «Погляды» (2003), «Прызнанне у любові і каханні» (2004), «Галасы роднай старонкі» (2006), литературной антологии «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь»: 1994—2009 гг.» (2010) альманахе «Полоцкая ветвь-2014». Стихи автора печатались также в газетах и журналах.

* * *

Посвящается Т. В.

Без твоего прикосновенья я умру,
Мне нежность, как озон, необходима,
Потребность в ней растёт неистребимо,
Не гаснет, словно зори поутру.
Мне б только видеть ласку жгучих глаз
И раствориться в ней, как сахар в лаве чая...
В глазах твоих, что нежность излучают,
Уже тонула я, наверно, сотни раз.
Ты спас меня от жизненной тоски,
И знаю я, что страсти нет предела,
И знаешь ты, о чем просить не смела...
На холст судьбы уверенно и смело
Наносишь ты своей любви мазки.
За эру под названием «Любить»,
За нежность слов и за твои объятья,
Где таинство любви смогла познать я,
Я буду Небеса благодарить.

* * *

Вечерок с закатной зорькою-заснобой
Долго тискался у рощи за околицей,
Ну а в полночь в дом мой царственной особой
Заявилась Их Высочество Бессонница.

В макинтоше невесомого тумана,
На вуали звезды мечутся фасонные,
Заявилась и не жданна, и не званна...
И о чем шептаться с этакой персоною?

Помолчим... Отведав кофе с «Амаретто»
И устав от не рожденных слов и фразочек,
Сквозь гардинный плен и дым от сигареты
Поглазеем на мерцанье звездных стразочек.

Лишь на лезвии рассветном перережется
Исковерканная ночка-пустозвонница,
И когда ресницы дремотою смежатся,
Дом покинет Их Высочество Бессонница.

* * *

Обрывки сна в ресницах заплутали,
И локон расплескался по подушке.
Выходит, мы друг другу просто ввали,
И чувства тоже подлежат усушке...

Поэма-ночь сменилась прозой жизни,
Либретто запальцовано до корки.
Сегодня мы любви справляем тризну;
Остаток послевкусья терпко-горький.

Его я с губ смахну и, может статься,
Запью вином с совсем другим Ромео,
Сердечно пожелав тебе остаться...
В читальном зале с новой Поэмой.

НА ИЗЛОМЕ МАЯ

Размотался солнечный клубок
По разливу утра акварели.
Присмирели от росы чуток
Яблочно-душистые метели.

Раздувает робкий ветерок
Слабые каштановые свечи.
Начинается почти что в срок
Певчих птиц задористое вече.

Колобродит хмельно-пряный май,
Разошелся удалец излишне,
Шепчет про нежданно-нежный рай
На ушко зачавшей рано вишне.

Здравствуй, светом напоенный миг!
Захлебнувшись в сладостной истоме,
Мне б рвануть по счастью напрямик
У гулены мая на изломе...

Василий Мельников
(г. Минск, Белоруссия)

Мельников Василий Георгиевич родился в 1959 году в городе Минске. Образование высшее. С отличием окончил БГИИХ им В. В. Куйбышева. Является автором двух поэтических сборников: «Поезд времени», Минск, Попурри (2009) и «Аквилон», Смоленск, Ноопресс (2014). С 2014 года член белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь».

* * *

Всякая жизнь творит собственную судьбу

Анри Амьель

Мне не хватит чернил испещрить
лист вчерашнего дня,
Укрывавшего праздность мою
от несчетных пороков,
На которые в кассах билетных
осталась броня
По заявке зашедших к весне
колдунов и пророков.

За спиною — года. Впереди —
ускользающий миг,
Разносолы мечты из буфета
голодного детства,
Потемневшие полки еще
не прочитанных книг
И из круга часов радиального
времени бегство.

Упирается память в тупик
бесконечных начал.
Облака истрепали в скитаниях
белые платья.
Я не помню дословно, что ветер
при встрече сказал.
Помню речь шла о том, что не стоит
в себе замыкаться.

ПРОВОДНИК, НЕ ВЗЫЩИ

Проводник, не взыщи за беспечность,
Неизмеренный крыльев размах.
Я билет взял до станции Вечность,
Что затеряна в книжных томах.
Без надрывного ржавого стона
Сборной трассы из жеваных труб
Там я вслух почитаю Вийона,
Шевеля параллелями губ.
Там, глотая расплавленный полдень,
Жарким потом разбавив бетон,
Вряд ли миксером сможет быть пройден
Путь в десятки крутящихся тонн...

Я пашу до икоты, до рвоты,
Головой, упираясь в рассвет,
От воскресного дня до субботы,
Облаченной в рабочий корсет.
А потом с переметной сумою
Ухожу в мир метафор и строф,
Где цветут хризантемы зимою
На заснеженных клумбах дворов.

Проводник, не взыщи за беспечность.
Я живу второпях, впопыхах.
Но билет взял до станции Вечность
Там, где замерло время... в стихах.

КОГДА...

*Когда над полем зеленеет
Стекланный вечер, след зари*

В. Хлебников

1

Когда, в чужие улетаю страны,
Поют о чем-то грустном журавли,
И осень стелет рваные туманы
На плечи холодеющей земли,
Я вспоминаю летние рассветы
И тех, кому дарил в ночи букеты
Цветов, как предварительную плату
За поцелуи и страстей руладу.

2

Когда, надменно с высоты
Бросая взгляд на очертанья
Людской безликой суеты,
Ты видишь остов мирозданья,
Не торопись давать совет

Тому, кто льет на Землю свет
И побуждает в суете
Не забывать о красоте.

3

Когда гонимый роком злым
Томится день в сырой пещере,
Востоку выплатив калым
Рабами тОпленной галеры,
Мне представляется Овидий
И все, что он когда-то видел,
Оставив августейший Рим...
И мы о чем-то говорим.

ЗАКОН ДЖУНГЛЕЙ

*Оставь подбирать за Тигром шакалу и иже с ним.
Волк чужого не ищет, Волк довольствуется своим!*

Р. Киплинг

День, жить решивший по закону Джунглей,
Силки сплетает нитями дождей
И ворошит костров погасших угли,
Когда-то согревавшие людей,
Когда-то свет дававшие и пищу,
Оседлый вид бродяжьему жилищу.

И за огонь, борясь жестоко, гибли
Пришедшие из мрака племена.
И представлялся Волком Стаи Киплинг,
И воду пил из глубины — не со дна,
Где не давали цепкие лианы
Уйти дождям в бенгальские туманы.

Листает память мокрые страницы
Открытой книги на моем столе,
Мешая шум небесной колесницы
С земною тишью в горном хрустале...

И мысль, изголодавшись в непогоду,
Тропой звериной вышла на охоту.

ЧИТАЯ ВАЛЬТЕРА СКОТТА

Увы, прошло так много дней и лет
С тех пор, как тут за стол садились люди.
В. Скотт «Орра», трагедия

К обывательским дням потеряв интерес,
На позывы подкожного зуда
Мне уйти бы разбойником в Шервудский лес
По заветным местам Робин Гуда,

Раздавать попрошайкам и нищим добро,
В кошки-мыски сыграв с эшафотом,
И, поправив на выцветшей шляпе перо,
Поздороваться с Вальтером Скоттом,

Оценить монастырской амброзии вкус,
Слышать небо и видеть, как звуки
Огорошенный замок мотает на ус,
Взяв недобрую весть на поруки.

И, по-детски ликуя от меткой стрелы,
Поразившей пространство и время,
Я сдвигаю для пира друидов столы.
И восторг холодит мое темя.

Александр Раткевич
(г. Полоцк, Белоруссия)

Раткевич Александр Михайлович. Писатель, литературный критик, переводчик, издатель. Родился в 1954 году в Ивангороде Ленинградской обл. С 1969 года живет в Полоцке (Беларусь). В 1982 году окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. С ноября 1994 по ноябрь 2009 — председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», сейчас — заместитель председателя. Автор десяти книг стихов. С января 2009 года — редактор культурно-просветительского учреждения (издательства) «Литературный свет». С 2011 года — член Российского союза профессиональных литераторов. С 2012 года — член правления Европейского конгресса литераторов. Пишет прозу, литературоведческие и критические исследования, статьи по теории стиха. Основатель литературного направления катарсизм (авторский термин) и издатель одноименного альманаха. Член жюри международных литературных конкурсов.

ТРИЕДИНСТВО

Ни единожды не солгав,
открываю уста для слова:
в мире моря, в разливе трав
все едино и все основа.

В поле ветра, в пустыне битв,
в океане славянских молитв
береги неразрывный союз
братских уз,

ты — русский,
ты — украинец,
ты — белорус.

Легче легкого разрушать
доброту, красоту, благородство,
чтоб потом на руинах пожать
власть, богатство и превосходство.

Знаю, каждый из вас не трус,
но в гражданскую бойню не лезьте,
чтоб в потоке крови и лести
не смогли превратить вас в груз:

в груз Двести,
в груз Триста,
просто в груз.

Корни слов прорастают в кровь,
в венах слышится предков слово:
в триединстве — наша любовь,
в крепкой дружбе — наша основа.

Чтобы быть в постоянной любви,
чтобы в дружбе быть корневой,
берегите же корни свои,
береги корень свой

ты — генерал,
ты — лейтенант,
ты — рядовой.

В мире войн, в океане стран,
на планете дождя и огня
сохраняйте веру славян,
веру в будущее храня.

Можно жить на земле, скользя
словно шар в отверстия луз,
но единства негленный брус
сокрушать никогда нельзя.

Я с вами, друзья:
я с тобой, русский,
я с тобой, украинец,
я с тобой белорус.

P.S.

Ни единожды не солгав,
не нарушив житейской меры,
берегу триединый сплав
братства, дружбы и веры.

ПОЭТ?..

Россия-мать, рождавшая поэтов
сквозь грохот войн, сквозь перемирий тишь,
своих властителей предательство изведав,
куда идешь, кого еще родишь?

Неужто ты талант свой разбазаришь,
и лишь бездарность ждет нас впереди,
и неужели ты нам больше не подаришь
поэта с пламенем в груди?

Вопросам этим не даны ответы.
И, не скрывая на лице восторг,
живут изгоями теперь твои поэты,
своей душе устраивая торг.

Они торгуют, словно на базаре,
призываньем, словом, совестью, строкой,
они друг друга, как в хмельном угаре,
убить готовы собственной рукой.

Ужель поэта больше не сжигает
любовь к отчизне? — Он решил,
что это чувство откровенно унижает
того, кто славу полюбил.

Да, он теперь среди торговцев модных
со вкусом ставит авторства клеймо —
куда ему о болях всенародных,
когда свои болячки как бельмо.

Россия-мать, единственная в мире,
чья драгоценны дочки и сыны,
как жаль, что в этом грязном и кровавом пире,
твои поэты стали нам смешны.

В стихах, в поэмах гладких и нарядных,
в трагикомедиях, в которых все мертво,
в столпотвореньях баррикадных
все их пророчества не стоят ничего.

И кто теперь пророк? И кто же знает,
куда ведет нас путь, что новой властью спет?..
Печаль, как дым, мои глаза съедает —
поэт в России больше не поэт.

КИНЖАЛ

В былинный час, когда в годину смутной брани,
вздывая в кузнице бычиные меха,
Сварожич огненный выковывал мне грани,
не ведал я ни страха, ни греха.

Не жаждал крови я ни в ссоре, ни в потехе;
и если все-таки порою, как шакал,
я вороненые пропарывал доспехи,
то потому, что племя защищал.

Что, зло измены ненавидя крепче стали,
я мстил сородичам славянам, словно бес,
за то, что в пламени своих богов сжигали,
чужого прославляя до небес.

Но стыл и медлил я с ударом небывало,
и гасло лезвия лихое волшебство,
когда сквозь дрожь меня Рогнеда поднимала
над спящим телом мужа своего.

Я дружен с меткостью, когда же замахнулся
в порубе киевском холоп, продажный тать,
чтоб острие мое Всеславу в грудь вогнать,
я князя спас и в плоть дубовую воткнулся
по золотую рукоять.

Коварны замыслы страстей нечеловечных;
когда ж завистники под взглядами икон
сразить пытались Богшу, мастера из Вечных,
я прозвенел ударом в медальон.

Мораль не чувствуя, не веруя в законы,
я примирил в себе коварство и любовь;
теперь во мне сквозь угасающие стоны
течет уравновешенная кровь.

Но я из памяти своей стереть не в силах
предсмертный ужас онемевших жертв моих;
они истлели в позаброшенных могилах,
но с каждым днем я резче вижу их.

На свете истины по-прежнему подложны;
и потому клинка стоического гладь
я твердо вкладываю в кожаные ножны,
чтоб больше никогда не вынимать.

Олег Сешко
(г. Витебск, Белоруссия)

Сешко Олег Витальевич родился в 1969 году. Окончил Высшее военно-морское инженерное училище им. Ф. Дзержинского в Санкт-Петербурге. С 1992 по 2011 гг. проходил службу на северном флоте ВМФ Российской Федерации. Капитан 2-го ранга запаса. Председатель Витебского отделения Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Лауреат ряда республиканских и международных литературных конкурсов, премий и фестивалей.

ОТРАЖЕНИЕ

Тебя привлекали комнаты?
Услышал я стук в окно.
Вначале стучался скромно ты,
Как будто младенец-гном.
Неслышно царапал пальчиком,
Ладонью клеймил стекло.
Потом ты развился в мальчика,
Всем телом съедал тепло.
Кричало твое безмолвие:
«Впусти же меня,пусти!»
Точилом карябал молнии,
Рыча продолжал расти.
Глаза наливались голодом,
Скрипела зубами злость,
Горела кострами молодость,
Свистело вокруг, рвалось!
Слетали худые ставенки,
Скрипела входная дверь.
Недавно был тихим паинькой,
Огромный, лихой теперь!
Березы клонились, кланялись,
Трещала по швам земля,
Ты в силу вошел не рано ли?
Стихия — твоя семья!
Ты бился в окошко тонкое,
Ты видеть меня хотел,
Закатная полночь звонкая,

Меняла рисунок тел.
«Впусти...» постарел, осунулся,
Незримо сошел с лица.
Глазами все тот же юноша,
Душой заводной пацан.
Но тело... скатилось каплями,
Ручьями ушло в песок,
Восток обозначил залпами
В бессилие твой бросок.
Тебя не впустил уже ли я?
Смешно подмигнуло мне
Забывтое отражение
В промытом тобой окне!

ПЕСНЯ РЫБАКА

Железную банку, едва дыша,
Ножом открываю на раз, два, три.
Четыре сардины лежат внутри,
Четыре сардины — моя душа.
Одна, воздыхая, зовет восток,
Где девочка в белом роняет сны,
Где люди сердцами красным красны,
Где спелой земли собирают сок.
Вторая к себе призывает юг,
Где скалы хранят серебро любви,
Где тянутся к небу цветы глубин,
Пестрит мотыльками подводный луг.
На западе, кажется, будет бал.
Там сыну принцессу нашел король,
В мечтах у принцессы другой герой,
Но принцев не часто дарит судьба!
Вот эта сардина пророчит власть.
О западе сказки еще свежи,
За ними легко не заметить жизнь,
Граненым кристаллом на дне пропасть.
На желтые лилии наших дней,
Слетают разлуки длиною в смерть,
От старой собаки осталась шерсть,
Которая тысячи солнц сильнее.
Хотите живыми войти в рассвет?
Четвертая рыба малым-мала,
Судьбу мою в север она вплела,
Вы слышите: «Се-вер, все вера, все!»
Кто в море бывал, тот на небе свой.
Мы с морем и небом — одна семья...
Четыре сардины ведут меня
Туда, где о доме поет прибой!

* * *

Остаться на стадии скрытого счастья,
Дыша переливами звездного света,
Чертить звездопадом на сердце приметы,
На радуге лунной с любовью качаться.
Хрустальную сказку с опаской рассеять,
Вздыхая: «Взойдет, расцветет, одурманит».
Цветной поцелуй обнаружить в кармане,
Из тех, что дарил в понедельник тебе я.
Сменить на луну в середине вселенной,
Забраться в окошко веселым рассветом,
Луну положить у подушки монетой,
Надменно холодной, голодно разменной.
Поправить упрямый, улыбчивый локон,
Угадывать сны по движениям тела:
«Ах, как ты могла так! Ах, как ты посмела
Со мной изменить у меня же под боком!»
Касанием губ разбудить, разлететься.
Проснешься, подбросишь монету повыше,
Сойдутся луна с поцелуем на крыше,
Польется горячая музыка в сердце.
Закружится мир суетой откровений,
На каждый вопрос, вызывая торнадо.
Тогда ты поймешь, я по-прежнему рядом,
И даже теперь обнимаю колени!

Александр Супей
(г. Бобруйск, Белоруссия)

Супей Александр Сергеевич родился 25 апреля 1976 года в городском поселке Василевичи Гомельской области. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» с 1998 года. Автор поэтических книг «Через тернии к звездам» (1999), «Знамена духовных фронтов» (2001), «Золушка колдунья» (2002), «Обнаженное одиночество» (2003), «Устами гениев» (2012). Участник коллективных сборников «Свет в конце тоннеля», «Ветви», «Истоки» и др., литературной антологии «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь»: 1994—2009 годы», альманаха «Полоцкая ветвь-2014». Дипломант республиканского конкурса поэзии «Дебют». Живет в Бобруйске.

НОЧНОЕ ОКНО

Бреду по мостовой незримой тенью,
До дрожи зацелованный дождем...
Я весь окутан холодом осенним,
Но мне, как никому, уютно в нем.
Не плачь по мне. Жалеть меня не надо.
Вино и дождь мою разбавят грусть;
По кабакам с рассвета до заката
Моя тоска кочует, ну и пусть.
Грядущее нисколько не тревожит
Рассудок мой, минувшего не жаль;
Мне приземленных радостей дороже
В оправе лунной светлая печаль.
По лунному течению проходит
Вся жизнь моя в беспечности хмельной.
Смотрю по сторонам — и не находит
Родимый берег взгляд печальный мой.
Вернусь домой тропой одинокой.

Никто не постучит в мой ветхий дом,
Где до утра с надеждой и тревогой
Горит окно забытым маяком.
И пусть всю ночь на свет моей надежды
Лишь комары летят да мотыльки...
Я буду ждать, любимая, как прежде,
Твои родные, тихие шаги.

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

Я — запертый джин в бутылке,
Твоих повелений суть,
Паук, по твоей улыбке
Ползущий тебе на грудь,
Лунатик, всерьез готовый
До звезд дотянуться с крыш,
Пока в гамаке садовом
Ты так безмятежно спишь...

Я твой мотылек парящий
Над бездной порочных грез,
Крадущийся зверь из чащи
На запах твоих волос;
Голодный питон, который
В томлении ждет восход,
Лизнув мимолетным взором
Твой сладкий, запретный плод.

Ты станешь моей лампадой
В темнице амурных снов,
Я буду из недр ада
В твой сон излучать любовь;
И все что мне в жизни нужно
От этой любви взамен —
Лишь преданным псом послушным
Сидеть у твоих колен.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

Когда по своему идешь пути,
То каждому, попробуй, угоди;
А если подгибаешься под многих,
То нету у тебя своей дороги

* * *

будь верен ты,
Имей свои идеи и мечты!
Пойдешь на поводу чужих идей,
И ты уже не личность — лицедей.

* * *

Себя представив лучше чем ты есть —
Придется пожалеть тебе о том,
Ведь будет получать хвалу и честь —
Не ты, а твой придуманный фантом.

* * *

У соловья счастливым быть учись —
Поет себе, не сетуя на жизнь...
Что может потерять он кроме лета?
А мы дрожим над каждой монетой.

* * *

Воистину тот любит, кто без слов
Свою способен выразить любовь;
К чему слова? Забота и вниманье —
Красноречивей устного признанья.

* * *

Любые двери вера нам откроет,
Дождю поверишь — душу он омоет;
Поверишь камню — станет берегом,
В себя поверишь — станешь Человеком.

* * *

Не унывай, когда перевернуть
Тебе судьбу твою не удастся,
Сумей на жизнь по-новому взглянуть —
Она в глазах твоих перевернется.

* * *

Сияет день, как солнечный алмаз,
Сверкает ночь, как лунный бриллиант...
Вся наша жизнь — сокровище для нас,
А мы, слепцы, в алмазах ищем клад.

* * *

В сознании моем не сеет смуту
Вопрос извечный: жизнь взялась откуда?
Из ничего возникнуть не могла,—
Ответ один: она всегда была.

* * *

Как пластилин Вселенская среда
В руках Творца — послушна и пластична;
Земля и небо, пламя и вода...
Все из одной материи первичной.

* * *

В глазах любимой видится мне свет
Таких родных, затерянных планет...
Ты — эхо звезд, мой космос синеокий,
До дрожи близкий мне... До слез далекий...

* * *

Живущему для близких будет сладок
Минувших дней божественных осадок;
Кто до зари не сделал благо ближним,
Тот просто вырвал день из Книги жизни.

* * *

В глазах друг друга трудно замечать
Пронзительную боль глубокой драмы,
Клеймо печали — осени печать,
Мы прячем за улыбками, как шрамы.

* * *

Все тленно, но помни, доспехи души не ржавеют.
Щит веры, меч доблести, шлем целомудрия твой...
Не тронут года и земля поглотить не сумеет,—
Сокровища эти возьмешь ты на небо с собой.

Владимир Шаронов
(г. Гомель, Белоруссия)

СТИХИ О ЛЮБВИ

Шаронов Владимир Владимирович. Родился 4 сентября 1952 года в городе Богородске Горьковской области (ныне Нижегородская) в семье военнослужащего. Окончил Витебский государственный медицинский институт в 1975 году. В настоящее время работает в филиале № 2 ГУЗ «Гомельская центральная городская поликлиника». Автор книг «Святые дни. Духовные стихи» (2005), «Любви нетленной благодать. Стихотворения, сонеты» (2007), «Синайский дневник. Записки паломника» (2007), «И осень отгорит золотая. Лирика» (2009), «Забывать о суете земной. Лирические размышления о Вере и Любви» (2010), «Там солнечные зайчики. Лирика» (2010). Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» с 2012 года.

«ВАЛЕНТИНКА»

Н. А. Ивановой

О, девственный листок бумаги!
Тебе доверюсь нынче, но
Для той, кого люблю давно,
Не жди ты строк любовной саги:

Блеснув искусством оригами,
Тебя сердечком лишь сложу
И тем ей ясно расскажу,
Как с нею мы близки сердцами!

Когда с улыбкою счастливой
Она, волнуясь, развернет
Привет души мой молчаливый,
То все без слов тотчас поймет!

Ах, потому еще мы живы,
Что среди нас любовь живет!

ЮЖНЫЙ РОМАНС

От зноя солнца Ялты томной
Загар на Ваши руки пал.
Я их со страстью целовал,
Забыв, что это так нескромно.

Смешную выходку мою
С улыбкою Вы созерцали,
Как будто бы того и ждали
В далеком солнечном краю.

Я знал, что это все игра:
Объятья, шепот, поцелуи
Недолго будут длиться. Ну и
Расстаться все ж придет пора.

Разлука будет так легка,
Страдать о том, мой друг, пустое:
На мой прощальный жест рукою
Вы мне лишь скажете: пока!

РОМАШКИ

Моей жене

Белые стыдливые ромашки,
Что глядите из густой травы?
Ваши желтоглазые мордашки
Не развеют грусть мою, увы!

Ваши нежные белесые ресницы
Так и намекают погадать,
Любит ли меня, чтоб убедиться,
Та, с кем я поспорился опять.

Хоть не верю я в гаданье ваше,
Как же оказались вы в руке?!
Знать, на свете нет букета краше,
Чем ромашек скромненький букет.

Я приду с ромашками к любимой,
Положу букет к ее ногам.
И поймет она душой ранимой:
Никому ее я не отдам!

ЛЮБОВЬ ОСТАНЕТСЯ

Фонарь дрожал
Среди ветвей заснеженных,
И снег сверкал
В лучах его поверженных.

Сей дар зимы —
Снег — в свете этом розовом
Средь полной тьмы
Казался чудо-островом.

Спешу попасть
На этот остров светлости
Обозревать
Средь тьмы его окрестности.

Здесь света пук
Сквозь ветви пробивается,
Объятье рук
Их тонких разжимается,

Чтоб средь рябин,
Снегами запорошенных,
Сверкнул рубин
Их ягод замороженных.

Напомнит он
Про губы твои нежные,
Возьмут в полон
Воспоминанья прежние.

Слеза сверкнет,
Коль старое помянется.
Не все пройдет:
Любовь моя останется!

Татьяна Шеина

(г. п. Радошковичи, Молодечненский
Район, Минская область, Белоруссия)

Татьяна Шеина родилась в Минске. Окончила Могилевский МГК по специальности «Фельдшерско-акушерское дело», затем биологический факультет БГУ. В настоящее время деятельность связана с медицинской генетикой. Секретарь секции поэзии Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Лауреат и дипломант ряда белорусских и международных музыкально-литературных фестивалей: «Зеленый Гран-при» (Гродно), «Форум авторской песни и поэзии» (Гомель), «Славянские традиции» (Щелкино), «Сила ветра» (Киев), «Под небом Рязанским» (Рязань), «На лебединой горе» (Хельсинки) и т.д. Стихи публиковались в «Российском писателе» и «Литературной газете», журналах «Белый ворон» (Екатеринбург-Нью-Йорк), «Европейская словесность» (Кельн), «Лава» (Харьков), «Сила ветра», «Дніпро» (Киев), «Иные берега» (Хельсинки), «Окна» (Ганновер), «Окно» (Санкт-Петербург) и др. В 2012 году в Донецком издательстве «Норд-Пресс» издана авторская книга стихов «Шестеренки иллюзий».

EX THORACIS □ *

Это может понять далеко не каждый —
впрочем, каждому вряд ли такое нужно.
Только тот, кто попробовал хоть однажды
душу, яростно рвущуюся наружу,
расчленив, разорвав, разобрать на строки,
и слепить из обрывков — четверостишие;
кто сумел приспособить свои настройки,
регулируя «ярче», «светлее», «тише»
к трансформации тысяч цветов и звуков
в совершенно неясной природы волны —
только тот понимает, какая мука —
в каждой строчке выкладываться «по полной».

...Ты шагаешь по стыку Эдема с Пеклом —
сумасшедшим гимнастом без балансира,
каждый день осыпаясь теплым пеплом —
а вокруг восхищаются: «Как красиво
ты умеешь писать о душевной боли,
очень тонко и точно — ну просто странно!»

* (лат.) — из груди.

А твоя героиня сидит в подполье,
доставая пинцетом из свежей раны
по метафоре, образу, новой рифме...
И читателям — яблочко наливное —
прямо в руки. Вот только — не говорить им,
отчего, для кого и какой ценою,
чем напитана эта живая завязь,
«по прошествии» выпавшая из кроны...

Ты ступаешь легко, вызывая зависть...
и стараясь дышать глубоко и ровно,
игнорируя шепчущих с кислой миной:
«Поэтесса! Таким все легко дается!»
Ты — Кирилл. Ты — Кармен.
...На снегу — кармином —
остается цепочка твоих эмоций...

ТЕХНИКА ЧТЕНИЯ

От правды перехватывало горло:
«Поверь тому, что я тебе скажу:
Твоя душа по миру бродит голой,
А нужно эту душу — в паранджу!

Поток твоих эмоций — ад для слуха,
Твои стихи — лавина, вихрь, метель!
Ты отдаешься зрителю, как шлюха —
Так сделай так, чтоб он тебя хотел!

Как будто атакуешь — ближним боем.
Хоть это подкупает до чертей —
Но зритель хочет ласки, а не боли —
А ты им — нервы тысячей плетей!»

Да, несомненно, в этом тоже правда:
Скрыть наготу от нервов не стальных!
Ведь даже дьявол нынче носит Prada —
Не говоря уже об остальных...

...Душа моя — смеющаяся звонко
И плачущая искренне, навзрыд —
Валькирия, весталка, амазонка,
Ну как же, чем же мне тебя прикрыть?

И не таких, конечно, одевали —
Могу засунуть в шляпу и пальто,
Дополнить твой наряд густой вуалью...
Но как тогда тебя узнает тот,

Кому ночами я, от чувства тая,
Презрев страстей мышиную возню,
Отчаянно, на выдохе читаю
Свои стихи в извечном стиле «ню»?

СТИХОРОЖДЕНИЕ

Яркий всполох — и мир киноленткой
Запестрел, оборвался, затих,
А под сердцем — желанным ребенком —
Ощутимо толкается стих.

Беззащитный, упорный и светлый,
Как же он незаметно пророс —
Теплый сгусток энергии ветра,
Солнца, радуги, ливней и гроз...

Облекается плотью из мыслей
Силлабический хрупкий скелет.
Пусть еще до конца не осмыслен,
Невесомый — как призрачный след —

Прибавляет в размере и весе,
Обретает способность дышать...
Все — доношен, активен и весел.
Белый лист, принимай малыша!

Он, согласно законам природы,
Рвется в мир, ничего не боясь...
С сожалением матери в родах
Обрываю незримую связь.

На подушки откинусь в бессилье,
Нежным взором окину дитя:
— Что же, маленький, вот тебе крылья —
Не забудь меня, к людям летя!

PER ASPERA...*

Ощупью торя тропу к стихам,
девочка — влюбленный человек —
позволяет мыслям-пастухам
чувства — гурт испуганных овечек —
стричь и гнать по пастбищу-листочку...
В клетки шерсть причудливо ложится.
Может быть, прочтет ее тоску
полубог в потертых рваных джинсах?

* (лат.) — Через тернии.

Девочка не метит в мастера,
постигая сложное искусство:
нет еще ни легкости пера,
ни игры словами... Только чувства.
Карандаш вздыхает и скрипит,
грифель стерся — новый нужен срочно!
Девочка словами лист кропит,
душу препарирруя построчно.

Душно, плохо, кровь шумит в ушах.
Стих, как пот, стекает струйкой тонкой...
Это первый, робкий, трудный шаг
в лебеди — из гадкого утенка.
Пусть сюжет нехитрый, ритм «кривой»,
сбои, штампы... Так ли важно это?
...Муза машет левым рукавом,
превращая девочку — в поэта.

ПОЭТ

(простой акrostих)

Сотни ярчайших эмоций,
Образ цветущего сада,
Южное золото солнца,
Звезды над спящим Багдадом,

Первых снежинок порханье,
Осени ранней дыханье,
Эхо шагов, что тихи —
Тонкими нитями строчек
Он по канве многоточий
Вышьет цветные стихи...

